

ГАЛЕРЕЯ

НЕИЗВЕСТНЫЙ
В "САВОЕ"Радости и печали
знаменитого скульптора

Это было в "Савое", где лазурную пену взбивали струи фонтана посреди ресторана. Почти стихи. В такой поэтической атмосфере журналисты собрались на фуршет, заказанный "номером 506", на деле оказавшимся известным скульптором Неизвестным, лишь на несколько дней заехавшим в российскую столицу. На встрече Эрнст Неизвестный явился в сопровождении калмыцкого президента Кирсана Илюмжинова и, несмотря на крайне жесткое расписание, ответил на несколько наших вопросов.

— Во-первых, мы поздравляем вас с двойным праздником. Как бывшего фронтовика — с Днем Победы, а как скульптора — с открытием в Одессе монумента "Золотое дитя". Тем более — это первый монумент, открытый на территории бывшего СССР.

— Два года назад одесситы обратились ко мне с этим предложением, и я, конечно, согласился, поскольку с этим городом у меня связаны большие воспоминания — я участвовал в его освобождении, здесь же лечился после ранения и вообще просто его люблю. Вот, летал на открытие, которое проходило 9 мая. Мне остается только сказать "спасибо" скульптору Михаилу Реве, которого я сделал своим соавтором, и архитектору Владимиру Глазырину, одевшим "Золотое дитя" в бронзу, а также одесским властям, устроившим праздник.

— На вручении призов "ТЭФИ" многие усматривали какой-то подтекст в том, что ваш Орфей стоит на коленях.

— Вам не кажется, что у нас много специалистов по неуправляемому подтексту? Орфей стоит на коленях, потому что ему так удобнее играть на струнах своего сердца. Стоя — это было бы смешно, не правда ли?

— Президент Калмыкии, видимо, находится здесь не случайно?

— Не скрою, что сейчас я делаю монумент в честь многострадального калмыцкого народа. Впервые в моей практике и, наверное, в России гонорар был перечислен мне еще до начала работы над памятником. Я помню только один случай в истории: когда Папа Римский пригласил Микеланджело расписать Сикстинскую капеллу, тот поставил условие, по которому Папа не должен посещать капеллу до открытия. И глава Ватикана, уже старенький, боясь не увидеть творение при жизни, ночью пробирался со свечой внутрь, а Микеланджело сверху бросал кал, чтоб он не подглядывал.

Фото Владимира Костина

— Интересно, чем вы будете кидаться в господина Илюмжинова, если тому захочется вмешаться в творческий процесс?

— Мне не пришлось возмущаться. Макет практически готов, гонорар перечислен. Он умный человек, потому что понял, как надо поступать с мастером. В результате я сделал в десять раз больше, чем нужно.

— Всех интересует, когда будет открыт ваш многострадальный монумент "Древо жизни", посвященный узникам ГУЛАГа. История с ним тянется уже несколько лет.

— Это парадокс. Пусть я покажусь человеком, который якобы претендует на спиритуальность и мистицизм, но уверен — пока люди не покаются в совершенном зле хотя бы через символы — не будет нормальной жизни. Вы посмотрите, что сделали немцы? Они заставили всю Германию символами покаяния.

— В свое время немцы предлагали вам установить "Древо жизни" у себя.

— Я отказался из принципиальных соображений, несмотря на очень большой гонорар. Когда же речь пошла о России, согласился сразу, отказавшись от гонорара.

— Однако несмотря на государственный заказ, дело идет туго?

— Это еще одна из причин моего приезда. Деньги, выделенные Федеральной программой, быстро сожрала инфляция. Мне пришлось вкладывать собственные средства. Рабочие трудятся почти бесплатно. И последнее известие — оказывается, мой проект вообще не включен в федеральный бюджет на этот год. Мне непонятно одно. На строительство мемориала свои "рваные" рубли приносит старушки, дети, узники ГУЛАГа и бывшие чекисты. Только государство молчит. И бизнесмены молчат. Они что — бессмертны?

— Неужели Ельцин молчит?

— Я встречался с ним во время его визита в Вашингтоне. Он пообещал из президентского фонда два с половиной миллиарда. Формально он чист — все подписано и согласовано с двадцатью министерствами. Все дали добро. Но где эта бумага? Мы не можем ее выловить. Хотя, повторяю, работа с трудом, но идет, и мы надеемся завершить основную часть мемориала в августе.

— Что вы думаете о монументе на Поклонной горе?

— Я его еще не видел. Но в шестьдесят втором году участвовал в конкурсе на этот памятник, и, наверное, выиграл бы его, если бы не Вучетич и другие, которые организовали против меня "крестовый поход" Хрущева. Мой проект состоял из двух частей. Одна — русский трехгранный штык высотой 80 метров, у подножия которого — Виктория, окруженная золотым облаком слез. Теперь я бы сказал, что эта часть — помпезный, лживый и официальный монумент. Но была еще и вторая, которую я оставил бы и сейчас. Это — огромная маска солдата, покрытая водой. Озеро скорби...

По иронии судьбы сейчас на Поклонной стоит нечто, напоминающее "помпезную и официальную" часть проекта Неизвестного — штык, а на конце — масенькая Ника (она же Виктория). Последний наш вопрос касался, естественно, возможного возвращения на родину. На что художник ответил следующее:

— У меня есть особенность отвечать на любые вопросы очень серьезно (это мое чувство юмора). География — это в основном география души, а не верстовых столбов. Поэтому возвращаться или нет — это такая же проблема, как любить блондинок или брюнеток.

Сейчас Эрнст Неизвестный находится уже дома, в Нью-Йорке. Впрочем, в октябре он опять появится в Москве, где в галерее "Дом Нащокина" будет проходить его персональная выставка.

Марина ОВЦОВА, Екатерина ДЕЕВА.

Моск. комсомолец. —
1995. — 16 мая. — С. 3.